

Г.Д. Гловели, Л.С. Гребнев

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СССР:
КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Москва
Институт экономики
2013

Гловели Г.Д., Гребнев Л.С. Политэкономия СССР: критические очерки. — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 72 с.

ISBN 978-5-9940-0440-1

Издание объединяет два доклада, которые являются материалами к «круглому столу» «Критика советской политэкономии: направления и контексты» и частью более широкого проекта «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок». Авторы полемизируют с М.И. Воейковым в рамках тематики его доклада «Советская политическая экономия: оценки и переоценки».

ISBN 978-5-9940-0440-1 '

© Институт экономики РАН,
2013

© Гловели Г.Д, Гребнев Л.С, 2013

© Валериус В.Е, дизайн, 2007

Л.С. Гребнев
д.э.н., профессор, НИУ ВШЭ

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О СОВЕТСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Представленный ниже материал не претендует ни на систематичность, ни на полноту комментариев к текстам доклада и содоклада. Он может быть интересен только как взгляд на обсуждаемые вопросы «человека со стороны»: экономическая кибернетика по базовому образованию, имеющего опыт как работы в Госплане СССР всего периода застоя (1970—1986), так и преподавания так называемой современной экономической теории («мейнстрима»).

**Основная часть комментариев относится
к докладу М.И. Воейкова «Советская политическая
экономика: оценки и переоценки»**

Начнем с того, что уже на второй его странице есть утверждение, с которым невозможно согласиться: «почему-то вспомнили А. Шторха и еще 2-3 фамилии людей, которые скорее занимались компиляциями, чем оригинальным научным творчеством». Это «оценочное» утверждение не соответствует отношению к Шторху К. Маркса, ссылавшегося в «Капитале» на тех, кто первыми высказывали мысли, с которыми он соглашался или спорил. Компиляторы ему были неинтересны. Так вот, А. Шторх в первом томе упоминается семь раз (на с 185, 193, 363, 372, 373, 604 и 662).

Давайте посмотрим эти страницы. В первом случае (с. 185): *«Рабочий... ссужает свою производительную силу», говорит Шторх, но, добавляет он лукаво, он «не рискует ничем», кроме «потери*

своего заработка... так как рабочий не вносит в производство ничего материального». Маркс обращается к этим мыслям Шторха в связи с тем, что в основном тексте речь идет о том, что сначала наемный работник трудится и только потом получает оплату. Маркс в этой теме не видит ничего, кроме разновидности «технического кредита» (физической разницы по времени между осуществлением встречного движения ценностей), без которого не обходится практически ни одна сколько-нибудь крупная сделка купли-продажи. Причем такой, в которой рабочие постоянно кредитуют (например, до конца недели при еженедельной оплате) тех, кто их эксплуатирует. Между тем, сам Шторх вводит понятие «ренды талантов» как подобия дифференциальной земельной ренты (см., например, (Шторх, 2008. С. 171—172, гл. V. О ренте талантов и нравственных качеств)).

Хотя сам автор этот относит только к «добавочной» части заработной платы, следующий логичный шаг в этом направлении состоит в признании того, что вся эта плата имеет рентный характер, имеющий общего с обменом в виде купли-продажи только встречность движения прав между субъектами. Сейчас это — общее место экономической теории. Однако Маркс, юрист по образованию, мог бы и сам провести четкое политико-экономическое различие между двумя разными типами обмена — точечной во времени (мгновенной) «куплей-продажей» и имеющим определенную длительность арендо-рентным отношением. Правда, не исключено, что тогда может быть поставлена под сомнение его теория двойственности, основанная среди прочего на симметричности купли-продажи, позволяющей перейти от всеобщей относительной и эквивалентной формы стоимости (ценности) к денежной.

Далее Маркс отмечает: а) различие Шторхом собственно сырого материала и вспомогательных материалов (с 193), б) внутрихозяйственное разделение труда, доходящее до превращения рабочего в частичного работника, «аксессуар» (с. 363, 372 и 373) и, наконец, критикует — за приверженность «догме Смита» (с. 604). Последнее обращение к этому автору в этом томе «Капитала» (с. 662) тоже является критическим: «Шторх ставит перед собой вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед

варварством? Он находит этот ответ: в безопасности!». Сам Шторх скромно отмечает, что в изложении проблем безопасности он в основном опирается на рассуждения А.Смита (*Шторх*. С. 689).

Нетрудно заметить, что внимание Маркса к Шторху в этом томе связано отнюдь не с «компиляциями». Некоторое ехидство в первом обращении («лукавит») связано с тем, что сам он здесь капиталиста рассматривает только как эксплуататора. Только в третьем томе он разведет «капитал-собственность» и «капитал-функцию» и фактически признает труд по принятию решений как производительный. С чем и связана имущественная ответственность, которую имел в виду Шторх в цитированном Марксом фрагменте.

На самом деле Шторх рассматривает не два, а три вида производительного труда: производство знаний, производство решений, основанных на знаниях, и собственно производство благ — внешних (в виде вещей) и внутренних.

Но к этому мы вернемся в последнем комментарии к содокладу, а пока продолжим читать доклад. Лягнув «ни за что» Шторха, Воейков перечислил полдюжины наших почти современников, заслуживающих, по его мнению, гораздо большего внимания, и закончил абзац повторением мысли Л.И. Абалкина: «Как сказано, это очень опасная затея — кого будут вычеркивать завтра?» (*Воейков*, 2013. С. 5).

Представляется, что это опасение ни на чем не основано. Научная этика и во времена Маркса, и в XX в., и сейчас одна и та же: если ты считаешь, что открыл что-то новое — проверь, нет ли кого-то, опередившего тебя, и признай его приоритет. Так, например, поступил Дж. Хикс в конце 1930-х гг., когда обнаружилась в итальянском журнале 1915 г. статья Е.Е. Слуцкого. С тех пор «уравнение Слуцкого» — неотъемлемый элемент любого курса микроэкономики. До него точно так же поступили с Госсеном, Курно и другими «предшественниками» маржиналистской революции.

Иначе говоря, если акцент делать на развитии науки, то лица, заслуживающие благодарной памяти потомков, специально «вычеркивать» никто не будет. Скорее, наоборот, будут вписывать, как только обнаружат. А вычеркивание — это метод вненаучный. Озабоченность его применением (или неприменением) — это, скорее, отрывка «административных методов руководства», широко

применявшихся и «генералами от науки» в СССР и, возможно, практикуемых в России и сейчас.

Второй комментарий «со стороны мейнстрима» уместен к следующему фрагменту доклада: «В дискуссии 1920-х гг. столкнулись две версии *трудовой* теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность) и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда. Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом *не покидала рамок марксистского анализа* (курсив мой. — Л.Г.)» (Воейков, 2013. С. 19). Сразу за ним идут сетования о практике ценообразования: «как надо делать цены в безрыночном хозяйстве».

На самом деле практика показала, что без рынка делать что-то похожее на цены невозможно. Точнее, до тех пор, пока планирование на уровне народного хозяйства осуществлялось в рамках одной страны, расчетные величины, имевшие название «цены», «тарифы», определялись исключительно на основе затрат (точнее, издержек), себестоимости. Надбавка к ним в цене могла быть чисто символической, особенно для того, что в науке сейчас именуется косвенными благами. Значительную часть поступлений в бюджет составлял налог с оборота прямых благ. Считалось не очень актуальным заниматься чем-то более сложным в ситуации, когда деньги перемещались «из одного кармана в другой в одном и том же пиджаке».

Но как только «пиджаков» стало несколько — появился Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — так сразу же оказалось, что единственный способ «не передрататься», это так или иначе ориентироваться, хотя бы в отношениях между странами, на цены мирового рынка. Тогда же (точнее, ближе к концу 1970-х гг.) стало ясно, что переход на мировые цены внутри страны неминуемо приведет к краху нашей обрабатывающей промышленности из-за сверхвысокой ресурсоемкое™ применявшихся технологий. Впрочем, это относится в полной мере и к технологиям потребления ресурсов в жилищно-коммунальном хозяйстве. Это — неизбежная плата за «цену на основе себестоимости» добываемых природных ресурсов.

Виноват ли в этом Маркс, точнее, его версия трудовой теории ценности (стоимости)? Скорее всего, да, но с оговоркой: виновата любая затратная версия такой теории, в том числе и все трудовые

(Смита, Маркса и т.д.). Конечно, для своего времени включение «человеческого начала» — хотя бы на стороне затрат — в анализ пропорций рыночного обмена вещей (объективных, независимых от воли субъектов в условиях совершенной конкуренции) было нетривиальным шагом в науке. Но в рыночной экономике совокупность затрат формирует только нижнюю границу цены, по которой товар может продаваться без убытка, а не сами цены. Стандартное утверждение экономической теории о равенстве в долгосрочном периоде цен средним издержкам справедливо только при предположении об отсутствии технологических изменений, т.е. при простом воспроизводстве. Но это, в свою очередь, значит, что время труда и время жизни, которое им обеспечивается, прямо пропорциональны.

Маржиналистская революция, которая подразумевается в докладе Воейкова, осталась «при человеке», но сместила акцент с затрат (труда людей в прошлом) на результаты (полезность для людей в будущем). При этом особое внимание стало уделяться понятию альтернативных издержек. Его самое фундаментальное проявление хорошо иллюстрирует известная с античных времен басня «Цикада и муравей» (в изложении И.А. Крылова «Стрекоза и муравей»): альтернативной издержкой увеличения свободного времени в настоящем является сокращение обеспеченности жизни в будущем (и наоборот).

К сожалению, понятию альтернативных издержек, как и тесно связанному с ним сравнительного преимущества, в политико-экономической системе Маркса места не нашлось. И это несмотря на то, что сам Маркс представлял смысл ценности (стоимости) по сути дела так же, как описано в конце предыдущего абзаца ««Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости (т. е. ценности — Wert, value. — Л. Г.) покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что каждая *нация погибла бы, если бы она приостановила работу* не то, что на год, а хотя бы на несколько недель» (Маркс. Письмо Л. Кугельману. С. 460—462).

Иначе говоря, цель (ценность=стоимость) — продолжение жизни, средство — отказ от части (времени) жизни на производство необходимых для будущей жизни благ. Поэтому, выражаясь

на языке континентальных философов XIX в., можно сказать, что «субстанцией ценности» является жизнь, ее продолжение, а не какая-либо ее часть, в том числе уделяемая производству благ, необходимых для жизни.

Продолжая эту мысль, можно сказать примерно следующее: ценность благ, как и любого средства, определяется конечным результатом (продолжением жизни в целом), а не другой инструментальной ценностью (частью жизни, уделяемой труду по производству/потреблению этих благ). Если бы Маркс сделал этот логичный шаг, возможно, начало маржиналистской революции пришлось бы на более ранний период. И хотя он его не сделал, не стал он предпринимать и усилий по доведению до публикации последующих томов «Капитала», ограничившись доработкой немецкого (1873) и французского (1875) изданий первого тома.

Далее в цитируемом тексте следует мысль, опирающаяся на неявное предположение о фиксированном рабочем времени как о полностью используемом ресурсе и его размещении по разным сферам применения.

Третий комментарий относится к одной из сквозных тем доклада — «план и рынок». М.И. Воейков считает, что «дихотомия между рынком и планом была свойственна советской экономике на протяжении всей ее истории» (Воейков, 2013. С. 31). Представляется, что эта дихотомия существовала в основном в головах идеологов, не имевших представления о том, как принимаются хозяйственные решения.

Существовало убеждение, что то, как осуществляется планирование народного хозяйства в нашей стране — это и есть социалистическая (если не прямо коммунистическая) планомерность на практике. Планомерность — по логике вещей пострыночная или, на худой конец, как альтернативная рыночной. Похоже, никому и в голову не приходило, что планомерность может быть и дорыночной.

В действительности никакой другой в нашей стране и быть не могло в 1920-х гг. Метод материальных балансов на уровне всей страны — это точная копия таких балансов в рамках одного, отдельно взятого крестьянского натурального хозяйства. Причем с точно таким же основным технологическим циклом — один год. Здесь дело не только в том, что доминирующим укладом в экономике страны

были тогда именно такие хозяйства. Важнее другое: экономическая культура, органично присущая этому типу хозяйствования, распространилась снизу — от самих хозяйств — до самого верхнего уровня — страны в целом, и ее естественными носителями были если не сами крестьяне, то крестьянские дети, делавшие административные карьеры «после 1917 года». Все было ничего только первые несколько лет, пока не началась индустриализация. Потом срок утверждения нархозплана на очередной год пришлось отодвинуть на квартал и совместить плановый период с календарным годом (для сравнения, в США финансовый год так и остался в «фермерском формате»: последний квартал одного календарного года и первые три квартала следующего). Затем сроки представления предложений к плану от министерств наверх сместились на конец первого полугодия предпланового года, когда даже виды на урожай еще не просматривались сколь-нибудь четко, а корректировка самого плана — как раз с учетом результатов уборочных работ — продолжалась весь первый квартал уже реализуемого годового плана.

При этом технологические цепочки межотраслевых связей уходили во времени все дальше за пределы календарного года и никак не отражались «балансовыми методами». Отсутствие стандартной рыночной конкуренции «по горизонтали» совершенно не мешало острейшей конкуренции «по вертикали», о которой только в поздние, перестроечные времена стали писать в отрывной печати. Тогда же, в период проведения крупномасштабного экономического эксперимента ученые Института экономики АН СССР были допущены до анализа реальной практики планового хозяйствования (правда, в особых, не типичных условиях) в рамках системы Минтяжмаша.

Рожденные в дорыночной экономической культуре методы планового ведения народного хозяйства затем сами стали индуцировать натурализацию и на уровне предприятий, в том числе промышленных, и на уровнях главков, министерств. Эта культура хорошо приспособлена к обеспечению интереса выживания (соответствующего субъекта), но вряд ли может успешно «обслуживать» реализацию других его интересов — роста, развития.

Все сказанное заставляет сделать вывод: ни один из уважаемых теоретиков 1960—1970-х гг., упоминаемых в докладе, не имел

дела с какой-либо практикой советского планового хозяйствования, за исключением разве что непосредственного участия в планировании работы кафедры в вузе или отдела в научном институте.

Четвертый комментарий. Возможно, это выглядит как мелочная придирка, но невозможно согласиться с тем, что М.И. Воейков отождествляет зажиточность с кулачеством: «...при этом почему-то Преображенский забывал или не додумывал, что «подъем бедняцко-середняцкой деревни», за что выступала «левая оппозиция», неминуемо вел к выделению нового слоя зажиточных крестьян, т.е. новых кулаков» (Воейков, 2012. С. 25). Ведь давно уже описан А.В. Чаяновым жизненный цикл типичного крестьянского хозяйства, в котором бедность в период рождения и младенчества детей постепенно сменяется достатком и зажиточностью в период их взросления. Не говоря уже о том, что марксистский критерий кулачества связан не с зажиточностью, а с систематическим применением наемного труда, причем, как правило, не вместе с самим хозяином, а вместо него. По-видимому, автор доклада вольно или невольно следует иному, «сталинскому» пониманию кулаков и подкулачников.

Еще пара придирок. Одна мелочная, терминологическая: «Он [Преображенский] разрабатывал модель экономического развития, которую *сегодня в экономической теории* называют «точная настройка». Она означает государственные меры фискального и кредитно-денежного регулирования, направленные на *ликвидацию отклонений совокупного спроса от целевой траектории экономического роста* (курсив мой. — Л.Г.)...» (Воейков, 2012. С. 33). Похоже, автору не известен смысл некоторых использованных им терминов стандартной экономической теории, но здесь не место их разъяснять.

Другая содержательная. Только что прерванная цитата продолжена следующим образом: «Кривая экономического *развития* (курсив мой. — Л.Г.) вывезла в жесткий режим централизованного управления. Выбор лучшей альтернативы экономической стратегии не осуществился. Или, скажем точнее, была навязана самая простая, а потому грубая и жесткая стратегия» (Воейков, 2012, С. 33) (чуть раньше (на с. 33), наверное по небрежности, было сказано нечто противоположное: «Был выбран самый жесткий, самый драконовский, а потому, видимо, самый простой метод силового

изъятия средств для индустриализации»). В том то и дело, а точнее, проблема, что крестьянская экономическая культура вообще - и в наших природно-климатических условиях особенно — ориентирована не на интересы самоизменений (роста, развития), а на интерес самосохранения. У середняка не было ориентации на товарное производство, на неуклонное расширение производства вообще.

Разумеется, это не соответствует «аксиоме безграничности потребностей» стандартной экономической теории, но «по жизни» на ту же ограниченность сформировавшихся потребностей большей части населения натолкнулась в те же годы, и американская индустрия, разросшаяся незадолго перед этим на обслуживании военных потребностей союзных стран Европы, что и стало нефинансовой основой Великой депрессии. Но у США было время перевоспитать своего массового потребителя, подогнать его «под аксиому», а у руководителей (да и у самих граждан) России ни тогда, ни долгое время потом не было ни времени, ни особого желания заниматься этим. В частности, когда предыдущий министр образования и науки (А.А. Фурсенко) заявил, что одна из главных задач образования — воспитать культурного потребителя — на него прямо таки набросились с критикой защитники традиционного образования.

Пятый комментарий относится к достижениям в теории эффективности. В докладе это сформулировано так: «Можно, например, назвать по крайней мере две крупные теоретические концепции, основы которых коренились именно в политической экономии. Это теория размещения производительных сил и *теория эффективности новой техники и капиталовложений*. Это уникальные разработки, которым нет аналога в мировой науке (курсив мой. – Л.Г.). Ибо советские ученые разработали совершенно оригинальные модели размещения производства и измерения эффективности инвестиций для условий безрыночного хозяйствования». Не берусь говорить о достижениях в теории размещения производства, тем более на «безрыночной» основе — в Методических указаниях к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР (М.: Экономика, 1974) такого раздела нет.

Но по эффективности инвестиций в этом нормативном документе информация имеется. Надо сказать, информация удручающая. В частности, есть две разные формулы (Методические

указания... с. 291) «приведения затрат», которые предлагается применять совместно. Во-первых, приведение единовременных затрат к текущим по формуле:

$$C_i + E_n K_i = \min,$$

где K_i — капитальные вложения по каждому варианту;

C_i — текущие затраты (себестоимость) по тому же варианту;

E_n — нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений (в разных отраслях он может быть разным).

Во-вторых, для разновременных капитальных вложений (и только для них) предписано использовать формулу приведения разновременных затрат к настоящему времени, представленную выражением:

$$B = \frac{1}{(1 + E_{n.n})^t}$$

где B — коэффициент приведения;

t — период времени приведения в годах;

E_{nn} — норматив для приведения разновременных затрат, равный 0,08.

Любой современный студент-первокурсник экономического вуза скажет, что формула для расчета дисконтированной стоимости (ценности) существует только одна — вторая из приведенных выше, и она в равной мере используется как для «текущих», так и «единовременных» затрат (и результатов), между которыми не проводится никакой разницы. Причем в этих затратах отсутствует повторный счет в виде амортизации, которая обязательно «сидит» в себестоимости, имеющейся в первой из формул, а «норматив приведения» обычно представляет собой ставку ссудного процента. Более того, эта формула «защита» во всех табличных редакторах на персональных компьютерах. Пользоваться ею, как и многими другими, например, по расчету внутренней нормы доходности (Internal Rate of Return), могут все, кому это надо, а не только профессиональные экономисты. Строго говоря, так же — без опоры на предписанное в «Методических указаниях...» — считали в СССР варианты затрат на железные дороги. И вообще — в тех же 1970-х гг. многие специали-

сты понимали, что не может и не должно быть двух разных формул для расчета одного и того же. Неоднократно находились те, кто доказывал (с разной строгостью) их эквивалентность (см, например (Лившиц, 1976) и *более* подробно (Вааг, 1976)).

Нетрудно догадаться, что аналогов в мировой науке такому нет и быть не может. Только гордится здесь нечем, к сожалению для теоретиков советской политической экономики, если они уверены в том, что теоретические основы подобных формул действительно коренятся в разработках их предшественников.

Последний, *шестой комментарий* к основному докладу относится к крайне спорному (как минимум) пассажи: «Его (Цаголова. — Л.Г.) университетский "Курс политической экономики" исходной точкой концепции политэкономии социализма, как уже говорилось, взял планомерность. Но *жизнь же была товарная, рыночная*. Планомерность в этом случае могла ее только скрасить, упорядочить. Основой практики хозяйственного руководства мог быть только рынок и рыночные отношения. Это, собственно говоря, и *доказала* современная рыночная трансформация. "*Рынок взорвал и отбросил плановое хозяйство*» (курсив мой. — Л.Г.)» (Воейков, 2012. С. 51). Если смотреть на жизнь в России без ложной теоретической дихотомии «план или рынок», то надо признать две простые вещи: «до 1991 года» планомерность была, но дорыночного, а не пострыночного типа. За ней скрывалось то, что уже в наше время стало называться экономикой раздатка. И отбросил ее не мифический «рынок», а сама элита, сменившая одну, устаревшую внешнюю форму раздатка на более современную, «рыночную», одновременно сократив сферу раздатка за счет исключения трудоизбыточных республик Средней Азии и бедных природными ресурсами «витрин социализма» в Прибалтике.

**А теперь несколько комментариев
к содокладу Г.Д. Гловели «О контекстах истории
политической экономики в СССР»**

Как и ранее, комментарии не выстраиваются в некую собственную логичную систему, а потому «упорядочены» в той же последовательности, что и соответствующие места в содокладе.

Первый в порядке очереди и, одновременно, по важности *комментарий* относится к марксистской версии политической экономии в широком смысле: «Но историко-стадиальный подход в его формационной версии требовал от марксистов идти дальше — к «политэкономии в широком смысле», провозглашенной Ф. Энгельсом («Анти-Дюринг», 1878).

Как известно многим, включая автора содоклада, в этой работе Энгельс не только «провозгласил» указанный тезис, но и сделал несколько шагов по его конкретизации. Причем конкретизации, которую в некотором отношении можно оценить как вульгаризацию. Вот с чего начинается Энгельс («Отдел второй. Политическая экономия» (I. Предмет и метод)): «Политическая экономия, *в самом широком смысле*, есть наука о законах, управляющих производством и обменом *материальных благ в человеческом обществе* (курсив мой. — Л.Г.)». А теперь сравним это с тем, что ранее, в 1858 г. писал его основной соавтор: «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем *руководящей нитью* в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном *производстве своей жизни* люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения... Способ *производства материальной жизни* обуславливает социальный, политический и духовный процессы *жизни вообще* (курсив мой. — Л.Г.) (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6—7)». А вот еще из той же работы К. Маркса: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве *конечного результата* общественного процесса *производства* всегда выступает *само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях* (курсив мой. — Л.Г.). Все, что имеет прочную форму, как, например, *продукт* и т.д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222).

Нетрудно заметить, что в определении Энгельса упор делается не на людях («человеческом обществе»), а на вещах («материальных благах»), а термин «жизнь» вообще не употребляется. А если отступим еще на 14 лет назад, то увидим, что первая экономическая работа Маркса начинается со слов: «*Заработная плата* определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает

непременно капиталист. Капиталист может дольше *жить* (курсив мой. — Л. Г.) без рабочего, чем рабочий без капиталиста» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 47). Экономическо-философские рукописи 1844 г.). Причем, на самом деле речь идет не только об индивидах, взятых в их отношениях исключительно между собой. Для Маркса (во всяком случае, в этот период творчества) каждый индивид — неотъемлемая часть вида, человеческого рода. «Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь» (там же, с.94). И далее очень важное для дальнейшего рассмотрения темы: «Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности» (там же, с. 95). И вот еще одно, «прописное», написанное чуть позже, в 1845 г.: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3).

По-видимому, в совокупность всех общественных отношений входят и отношения реально сосуществующих индивидов с теми, кого уже или еще нет, со всеми предками и потомками. С первыми мы вступаем в отношения, приобщаясь в разнообразных формах к ранее созданной культуре, в том числе и материальной. Среди таких форм приобщения к предкам есть и применение (или, что то же самое в данном случае, эксплуатация) ранее созданных капитальных благ. А с потомками мы вступаем, хотим этого или нет, в отношения по поводу использования невоспроизводимых природных благ и, наоборот, выделения не утилизируемых отходов.

Иначе говоря — производственные отношения «по Марксу» включают отношения всех поколений человеческого рода, включая несуществующие, по поводу производства его (вида *homo sapiens*) жизни. По идее, именно эти отношения и должны быть предметом изучения политической экономии в самом широком смысле. Эти отношения имеют «саморефлексивный» (или «автоморфный», если употреблять математическую метафору) характер: отношения с самим собой. Они существуют «в себе» как для вида в целом (здесь они безальтернативны), так и на уровне индивидов (здесь они

дополняются всеми остальными отношениями между различными индивидами и разнообразными наиндивидуальными образованиями).

Коэффициент плодovitости (соотношение величин соседних поколений) — это, по сути дела, саморефлексивное производственное отношение как «чисто количественная величина» на уровне вида в целом. То есть вещь совершенно прозрачная и даже не специфичная для *homo sapiens*. Нетрудно заметить также, что *interest rate* («процент») в мире ссудного капитала устроен точно так же.

На уровне индивида автоморфным производственным отношением является доля свободного времени в его жизни в целом, структурированная по разным ее этапам. Дальше можно продолжить дифференциацией этого времени по разным социальным группам (например, между свободными и рабами в античности) и т.д.

Потом можно и нужно перейти к структуре несвободного (связанного) времени, отдельно выделяя в нем время труда по производству (но не потреблению) материальных благ. Только потом внимание может переместиться на сами эти блага. А может и не перемещаться, если найдутся более злободневные проблемы (например, в экономике образования, домашнего хозяйства, экологии), чем совершенно решаемые при уже существующих технологиях проблемы голода и крыши над головой.

Вместо всего этого Энгельс сделал упор на производстве и обмене материальных благ. С его подачи в советских учебниках (см., например: Курс политической экономики / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1973. С. 58) закрепились такая формулировка, претендующая на универсальную широту: «производственными отношениями называются отношения, возникающие между людьми в процессе производства, обмена, распределения и потребления материальных благ» (как вариант, соответствующий скорее натуральному хозяйствованию, чем товарному — сначала распределения, потом обмена). Все, приехали! Дальше — только вещные формы производственных отношений.

Справедливости ради надо отметить, что первый шаг от «жизни людей» к «жизни вещей» сделал сам Маркс в первых же строках «Капитала» (причем со ссылкой на свою работу 1859 г.): «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический

способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 43). Правда, первую главу он заканчивает параграфом о товарном фетишизме и его тайне. Но и здесь все крутится вокруг вещей — средств существования — и рабочего времени по их производству, а также долей индивидов в их присвоении. Жизнь человеческого рода совсем остается «за кадром».

Ставя, вслед за Энгельсом, «обмен» сразу за «производством (вещей)», наши марксисты возможно искренне верили, что они пребывают в «широком смысле». Хотя на самом деле обмен — на этом месте особенно — строго ограничивает рамки предмета экономикой с развитыми рыночными отношениями (да, «капиталистическим способом производства»).

От вещи дальше можно идти к ее потребителю-индивиду, что и сделала та часть ученых, которая приняла маржиналистскую революцию и рассталась с иллюзиями всех затратных теорий ценности благ (включая Марксову трудовую теорию). Но шаг был сделан тогда робкий, половинчатый. Да, вроде бы предметом изучения стало поведение людей, субъектов, прежде всего, индивидов. Но на самом деле фетишем стала ограниченность благ как раз на уровне индивидов. При полной отчужденности их жизнью от жизни человеческого рода в целом.

Другая, «марксистская часть», осталась «при вещах», которые при полном коммунизме должны политься полным потоком (в каждое корыто?). О другом их научном подвиге, связанном также с приоритетом «вещности», речь пойдет в самом конце этих заметок. Здесь только можно отметить, что ленинское замечание по поводу Бухарина о коммунизме также не выходит за рамки вещей, к тому же как-то сведенных к одной единице измерения (интересно, кстати, какой именно?).

Персональное замечание автору содоклада. Прочитывая продолжение цитаты из письма Маркса Кугельману (Гловели, 2013. С. 21): «Необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства — измениться может лишь форма ее *проявления*», он как-то незаметно для себя перешел от времени (труд как *процесс* всегда существует во

времени) к вещам (продуктам) и только тому труду, который нужен для производства этого совсем не конечного результата.

Второй комментарий относится к мир-системному анализу (МСА) как альтернативе, по мнению Гловели, и формационной догматике, и упрощенческому постиндустриализму. Сам автор не скрывает некоторых слабостей и недоразвитости МСА, *особенно* в части позиционирования в этой системе СССР и мировой системы социализма в целом, но настаивает на перспективности этого подхода, который он считает реальной альтернативой. Вот с этим, как представляется, можно поспорить.

Начнем с того, что «жесткий критерий И. Валлерстайна — всемирный оборот массовых большегрузных товаров» (Гловели) совершенно не выводит за рамки «мира вещей», а отказ от этого критерия в пользу критерия «сетевой взаимосвязи, которую на ранних стадиях мир-системы образуют сети дальней информации и престижных *товаров* (курсив мой. — Л.Г.), а также политические и военные сети» не снимает привязку к «вещности» и во многом размывает реальные временные границы МСА (Гловели: «не 5, а минимум 50 веков»).

Современной вершиной мысли в этом направлении автор видит гипотезу Неклессы: «представляется, что ближе к истине российский геоэкономист А.И. Неклесса с его моделью гексагонального геоэкономического универсума. Где на самом верху — отделившийся от атлантического Запада транснациональный Квази-Север, осуществляющий финансово-правовое регулирование глобальной экономики». Но финансы, особенно эмиссия денег, — это все те же вещи, только «в профиль», товарный фетишизм, трансформировавшийся в фетишизм финансовый, в котором «коэффициент плодovitости» вида *homo sapiens* окончательно уступил центральное место «проценту».

Если тот же Кейнс название своего главного труда начал с человека, проблемы его занятости, и только потом продолжил обращением к проценту и деньгам, то современная макроэкономика, начиная с модели *IS — LM*, вся «крутится» вокруг *interest rate*. Возможно, нынешние 7 млрд человек — это уже перебор с точки зрения модели Вольтерры — Лотке («хищник — жертва»), не говоря уже об ожидаемых к середине века 9 млрд. Но как-то неуютно стано-

вится от мысли, что вершиной «пищевой пирамиды» мира природы на Земле при этом оказывается «золотой теленок». Отчужденность его существования от жизни рода человеческого очевидна и вряд ли устранима, по крайней мере, в обозримом будущем.

Последний, третий комментарий относится к последней же характеристике советской политической экономии, которую автор содоклада дал устами коллеги: «Принципиальное дистанцирование от экономических показателей, статистики, фактов» (Фомин, 2006). Не совсем так. На самом деле было «еще хуже» (последние слова содоклада).

Как известно, экономические показатели, начиная с ВВП, в современной России считаются в рамках СНС — Системы национальных счетов. А в СССР было не так. Похожие, но совсем другие по теоретической парадигме, показатели (например, «национальный доход») рассчитывались в системе «Баланса народного хозяйства» (и тут — «баланс»). В нем совершенно четко разделялись две сферы: «отрасли материального производства» и «отрасли непроизводственной сферы». Разумеется, образование, здравоохранение и наука, не говоря уже об охране суверенитета, проходили как «непросфера». Даже транспорт и связь делились на эти две «сферы». В частности, грузовой транспорт входил в производственную, а пассажирский — в непроизводственную. Видите ли, «так завещал Маркс».

А послушались бы Шторха, как это сделали вольно или невольно создатели СНС, среди которых были и наши соотечественники по рождению и полученному профессиональному образованию, и не было бы этого позора на весь мир. Напомню, Маркс почти издевался над тем, что Шторх говорил о безопасности, как благе цивилизации. А вот как классифицировал блага сам Шторх: «Между ценностями, могущими войти в наше обладание, одни — *материальные* — состоят из предметов, вне нас находящихся; другие — *нематериальные*, т.е. неосязаемые нами; они образуют нашу нравственную собственность и составляют часть нашего существа. Эти два разряда ценностей можно отметить именами — *внешних благ* и *благ внутренних*; первые блага обыкновенно называются *богатством*, вторые не имеют особенного названия» (Шторх, 2008. С. 81). И далее на этой же странице очень важное замечание: «Все внутренние блага без исключения могут служить орудием производства».

Разумеется, Шторх не ограничивается этим разграничением и том пятый начинает с книги «Элементы цивилизации, или внутренние блага». Здесь он вводит понятия первичных и вторичных внутренних благ, дает их общий перечень: здоровье, умение, просвещение, вкус, нравы и обычаи, культ, безопасность, досуг. Затем он сравнивает «природы» внутренних и внешних благ, размышляет о производстве внутренних благ и многом другом и заканчивает эту книгу главой «О нематериальном капитале и потреблении внутренних благ». Много в ней и сейчас выглядит очень современно. Только один пример: «Когда нация испытывает недостаток в определенном сырье, необходимом для ее мануфактур, она может достать это сырье за границей, и оно, может быть, окажется даже лучшего качества, нежели ископаемые, извлекаемые из ее собственной почвы; но когда нации недостает просвещения для распространения у себя образования и когда учителя приглашаются извне, нация не обретет в лице этих чужеземцев столь же полезных работников, как те, что были выращены в ее собственных недрах» (*Шторх*, 2008. С. 648). А ведь это им, Андреем — Генрихом, написано и о себе самом.

Возвращаясь к теме «экономических показателей, статистики», следует отметить, что традиционные агрегированные показатели становятся все менее адекватными измерителями чего бы то ни было именно из-за их привязки к вещам и рыночным ценам на них.

Во-первых, услуги государства, не только его, имеют нерыночный характер, а потому при расчете ВВП приходится складывать в принципе неслагаемые элементы — затраты и результаты. Даже если считать, что результаты в части частных благ достаточно объективно оценивает «механизм рынка», результаты в части общественных благ такой оценки не имеют, а потому с суммой «ценности, добавленной при обработке (добавленной стоимости)» приходится складывать просто затраты на оплату труда всех занятых в нерыночных производствах.

Во-вторых, вещьность как таковая перестает быть значимой сама по себе. Например, Роллс-Ройс сейчас практикует продажу не авиационных моторов, а время их работы. Иначе говоря, все больше оказываются востребованы не вещи, которые потребителям еще надо как-то использовать, чтобы получить полезные для их жизни эффекты, а сами эти эффекты.

Самые драматичные для статистики процессы происходят в сфере IT-технологий. Изначально вся статистика была ориентирована на годовой интервал, поскольку агросектор доминировал в экономике всех стран. Сейчас продукция в вещной форме и, тем более, в разнообразных невещественных обновляется гораздо чаще. Сколько-нибудь адекватно отразить это в «экономических показателях» не представляется возможным.

Наконец, образование начинает занимать ту же стратегическую позицию в экономике в целом (не только отдельно взятых стран, но и как минимум крупных регионов — вспомним Болонский процесс в сфере высшего образования и Лиссабонскую стратегию (2000) о Европейском исследовательском пространстве), которую сравнительно недавно занимала «группа А» промышленности. Какая-либо «вещность» здесь перестает играть «первую скрипку». Общая тенденция — от вещности к процессам. Даже в самом образовании акцент переносится со знаний (о «вещах») на компетенции, проявляемые в деятельности.

Все это постепенно переводит в центр внимания в сфере практического хозяйствования именно человека вместо вещей. Это, на мой взгляд, и создает объективную основу не столько для «возвращения» политической экономии в центр экономической науки в целом, сколько для ее возникновения на реальном — человеческом — «базисе» вместо вещного, оказавшегося таким ненадежным.

ЛИТЕРАТУРА

- Алчиан А. Рента // Экономическая теория (New Palgrave) М.: Инфра-М, 2004.
- Барсукова СЮ. «Раздаточная» экономика // Forbes. 2013. 1 марта. Доступно на <http://www.hse.ru/news/75613234.html>.
- Вааг А.А. О нормативном коэффициенте экономической эффективности // М.: Экономика и математические методы. 1976. Т. XII. Вып. 5.
- Воейков М.И. Советская политическая экономия: оценки и переоценки. М.: ИЭ РАН, 2013.
- Гловели Г.Д. О контекстах истории политической экономии в СССР // Критика советской политэкономии: направления и контексты. М.: ИЭ РАН, 2013.
- Гребнев А.С. Применение договорных отношений в системе планирования производства // Вопросы экономики. 1985. № 11. С. 3—10.
- Гребнев А.С. О чем писал М.И. Туган-Барановский // Экономические науки. 1990. №5. С. 76.
- Гребнев А.С. Политическая экономия «по Марксу»: реанимация или развитие? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2 С. 9—11.
- Константинов В.М., Найшуль В.А. Технология планового управления, препринт, М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986.
- Лившиц В.Н. Вопросы планирования развития сложных производственных систем // Экономика и математические методы. 1976. Т. XII. Вып. 2.
- Маркс К. Письмо Л. Кугельману от 11.07.1868 / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32
- Маркс К. Капитал. Т. I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
- Маркс К. Капитал. Т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 337.
- Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М.: Экономика, 1974.
- Фомин Д.А. Политическая экономия: панегирик вместо эпитафии // ЭКО. 2006. № 7.
- Шторх А. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: «Экономическая газета», 2008.